

баясь, говорила ему, что писатели жалуются — он "непристойно много пишет". Отшутился и Аркадий: "Жизнь — не удалась, нужно работать на бессмертие".

И вот, в декабре 2002 года он вновь в Одессе. Решением жюри при горсовете стал одним из "Одесситов года". Это для него почетно. Ведь в основе — жизнь его двора, век его двора.

"Двор" все еще не окончен. Но роман будет завершен. Это цель жизни. Двор возвел его в литературное дворянство. Он отплатил ему тем же, — прославив Одессу, Авчинниковский переулочек, бабушку Малую на весь читающий мир.

В Одессе вышел шеститомник Аркадия Львова. Только что издательство Ивана Захарова в Москве выпустило отдельной книгой две части "Двора". Можно уже жить с гонораров, со славы. А писатель "непристойно много пишет". И звучит его голос на "Свободе", и знакома с ним каждая семья, новые поколения семейств его двора.

Быть может, поэтому он так уверенно чувствует себя, когда говорит с руководителем Пен-клуба России Андреем Битовым или городским головой Одессы Русланом Боделаном. У Львова своя миссия: вернуть Одессе ее образ, ее славу.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

ПУТЕШЕСТВИЕ

Лиза КОВАЛЬ, студентка Одесского национального университета

Как объяснить Норвегию?

Недавно на паре английского языка наш преподаватель попросила нас рассказать о самом счастливом дне нашей жизни. От неожиданности и сложной простоты вопроса все задумались и притихли.

Самый счастливый день... Непросто ответить вот так, сразу!

Занятия закончились, одни события сменили другие. А этот вопрос все не выходил у меня из головы.

Уже по дороге домой я поняла, что все-таки знаю, какой день из моей жизни я назвала бы самым счастливым.

Это был четвертый день моего недельного пребывания в удивительной стране Норвегии.

Рюкзак, мой верный друг-фотоаппарат, — и я пускаюсь в путь по солнечному, совсем несевверному утру. Оно тянется вдоль главной улицы города Осло, заворачивает к набережной и останавливается на противоположной стороне залива, где уже начинаются знаменитые фиорды — скалы, покрытые лесами.

Я иду на свой любимый причал. Там стоят пришвартованные старинные яхты XVIII-XIX веков. Солнце, отражаясь в зеленой воде, играет на деревянных бортах яхт. Слегка трогает медные приборы, оживляет сухие карты в каютах и рубках. На причале пахнет влажными палубами, сажей пароводных труб и свежей рыбой. Ее продают тут же, присыпанную крупными кристаллами соли.

Рыжие бородатые шкиперы дряют палубы, пыхтя трубками. Я теряю ощущение реальности, забывая город, год и страну... Вспоминаются рассказы Константина Паустовского про шумные портовые города, где живут смелые люди с открытыми сердцами и обветренными лицами.

Пролетают альбатросы с хищными клювами, садятся на головы медных, позеленевших от просоленных ветров, памятников королям и адмиралам. Скрипят цепями яхты у причалов, навевая мысли о том, как велика и прекрасна жизнь, сколько еще предстоит узнать, пережить, прочувствовать и понять.

Не хочется уходить, покидать этот мой причал, эти яхты, каждая частичка которых уже навсегда сохранена моей камерой, но жажда новых кадров, новых ощущений увлекает дальше. Сопротивляться ей невозможно.

"...Норвегия — это темно-зеленая медь статуй, это — тяжелые цепи якорей, это — чайки и море..."

Под ногами — насквозь прогретые солнцем доски набережной. Норвежцы так редко могут насладиться этим и ценят солнце по-настоящему. Не в пример нам, южанам, они стараются использовать любую возможность, чтобы позагорать: на скамейках, просто в скверах на траве, на деревянном настиле набережной, в кафе.

Кафе — отдельная глава в жизни норвежцев. Я бы даже сказала, что это целая культура.

Не могу описать, с каким трепетом я наблюдала за тем, как по утрам открываются кафе в Осло. Как наполняются первыми посетителями, зашедшими на утренний кофе. Потом кафе пустеют до пяти-шести часов. Только ветер, пожалуй, заглядывает в них, шевелит края скатертей, пересчитывает лепестки цветов в бутылках, еле уловимо звенит бокалами. И как всегда, после затишья — буря. В шесть уже сложно найти свободный столик. Общение для норвежцев — особый культ.

Милый, веселый народ, напоминающий родных одесситов. Встречаются, правда, истинные викинги — высоченные краснолицые богатыри. И другая крайность во внешнем облике норвежцев — тонкие, хрупкие, точно изо льда. У женщин, всех без исключения, в глазах — цвет северной морской волны.

Там, в Норвегии, меня поразило множество улыбающихся детей. Впервые, наверное, я обратила внимание на то, как уникальна и прекрасна улыбка ребенка...

Так я бродила мимо кораблей, причалов, канатов, кафе, ловя атмосферу Осло. Я думала о том, как объяснить Норвегию моим самым близким людям, которые ждали меня дома. Что сказать о ней, чтоб не исказить ее образа? Мысли не ложились ровно и связно, потому что Норвегия — это темно-зеленая медь статуй, это — тяжелые цепи якорей, это — чайки над только что пойманной рыбой в корзинах рыбаков, это — горы, где с непривычки кружится голова, это — светловолосые дети и фонтаны, это — черные столы и белые скатерти кафе, это — вечные хиппи, для которых не писаны законы, и море... Как правильно передать все это?

Счастливый день подходил к концу, но не было привычной грусти. Было лишь чувство полноты жизни. Спасибо тебе, Норвегия! За все.

Фото автора